

Б.М. Харсиев

ВОПРОСЫ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В ДРЕВНОСТИ

По-своему предметному полю этнология шире, чем антропология. Антропология не занимается проблемами этногенеза, этничности и этнических групп, расселения народов, демографических процессов. В первой половине XIX в. этнология (этнография) включала в свою предметную область и физическую антропологию, что «нашло отражение, в частности, в уставе Парижского общества этнологии, где к сфере этнологии относилось изучение особенностей человеческих рас, специфики их физического строения, умственных способностей и морали, а также традиции языка и истории» [Лурье 2004: 8].

Биологически человечество едино. Но современная этническая картина мира убедительно показывает, что существует бесспорная биологическая реальность фенотипического разнообразия людей, т.е. между людьми имеются физические различия. Обычно они определяются визуально (цвет кожи, черты лица, строение скелета, тип волос и т.д.).

Особенно заметны в этом отношении различия между группами людей, живущими на удаленных друг от друга территориях, в различной естественно-географической обстановке. В повседневной жизни и в науке подобные различия между физическими типами людей обычно называют расовыми. Они представляют собой адаптацию этносов к особому типу природных условий и всегда имеют групповой характер, выявляясь полностью только при сопоставлении человеческих коллективов.

Антропологическая классификация делает акцент на биологическом, генетическом родстве между различными этническими группами. Однако одни генетические взаимосвязи не дают оснований для четкого определения набора объективных критериев для разделения людей по определенным типам.

Когда же конкретная масса населения, почти однородная по антропологическому составу, разделена на этнические группы, говорящие на разных языках, то следует искать в прошлом историческую общность этих групп. Границы антропологических типов зачастую совпадают с историко-этнографическими областями.

Относительно происхождения кавкасионского варианта были высказаны две противоположные гипотезы — автохтонная (развитая в работах М.Г. Абдушелишвили, В.П. Алексеева и др.) и миграционная (предложенная Г.Ф. Дебецом). Гипотезу длительного автохтонного развития и изоляции в условиях труднодоступного высокогорья подтверждает анализ палеоантропологических находок, сделанных в различных районах Кавказа. В.П. Алексеев считал, что кавкасионская группа популяций сложилась на той же территории, которую она занимает и в настоящее время в результате консервации антропологических особенностей древнего населения, своими «истоками» восходящего, возможно, к эпохе неолита или верхнего палеолита и относящегося к палеоевропейскому типу европеоидной расы.

Комплекс близких черт характерен еще для целого ряда популяций, проживающих в других высокогорных регионах. Среди них изолированные группы населения юга Европы, конкретно Балкан. Ареал массивного, широколицего, с сильно профилированным носом населения простирается от Кавказа по всему горному поясу Европы вплоть до Пиренеев. Первым, кто определил специфику этого антропологического типа, был И. Деникер. Ныне установлено, что так называемый динарский тип восходит как минимум к мезолитическому и раннеолитическому населению Европы, для которого он был весьма характерным. Благодаря автохтонному развитию в условиях изоляции его характерные черты сохранились до сих пор.

По современной расовой систематике коренное население Кавказа принадлежит к средиземноморской ветви большой европеоидной расы. На Кавказе представлены три малые европейские расы: кавказо-балканская, переднеазиатская и индо-памирская. К кавказо-балканской расе относится кавкасионский

антропологический тип, который сложился в результате консервации антропологических особенностей древнейшего местного европеоидного населения. Кавкасионский тип распространен на Северном Кавказе, в Грузии, Дагестане и в сопредельных регионах.

Мы склоняемся к мысли, что кавкасионская в антропологическом отношении группа популяций сложилась на той же территории, которую она занимает и в настоящее время, в результате консервации физических особенностей населения, входящего, возможно, к эпохе неолита или верхнего палеолита и относящегося к палеоевропейскому типу европеоидной расы. Благодаря географической изоляции черты этого древнего пласта сохранились до сих пор.

«Совокупностью антропологических, археологических, исторических, лингвистических и этнографических данных подтверждается давнее и сугубо местное происхождение и развитие этнического ядра, которое в наши дни именуется ингушским народом, составляющим одно из слагаемых так называемого нахского этнического массива Кавказа» [Крупнов 2008: 73]. Видный советский антрополог проф. Г.Ф. Дебец признал, что кавкасионский антропологический тип «самый кавказский из всех кавказских» [Дебец 1956: 214].

В своей работе «Средневековая Ингушетия» Е.И. Крупнов, ссылаясь на результаты исследований антрополога В.В. Бунака, считал возможным говорить об участии в формировании антропологического типа кавказцев каких-то южных малоазийских элементов, причем направления движения этих элементов почти полностью совпадали, по его мнению, с положениями Н.Я. Марра, касавшегося данного вопроса на лингвистических материалах. По памятникам материальной культуры устанавливается древнее кавказское культурное единство и возможная этническая общность и связи этой культурной общности с культурой Закавказья и Малой Азии. Таким образом, можно считать, что ингуши, как и чеченцы, являются потомками одних из древнейших коренных обитателей Кавказа.

Исследователи, занимающиеся изучением истории ингушей, отмечают следы их различных культурных взаимоотношений

с другими народами. Доказательствами подобных связей являются и памятники материальной культуры, а также сходство в поведении, обычаях, наконец, словарный материал. Последовательно рассматривая состав этих источников, мы должны признать, что больше всего обнаруживается фактов, свидетельствующих о грузино-ингушских взаимоотношениях (см. например: [Крупнов 2008: 53]).

Библиография

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Дагестане // Тр. Института этнографии АН СССР. М., 1956. Т. 23.

Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. Малгобек, 2008.

Лурье С.В. Историческая этнология. М., 2004.

Б.М.-Г. Харсиев, М.Б. Долгиева

ГОРНАЯ ИНГУШЕТИЯ — ФОРПОСТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ МАГИСТРАЛИ

В современной историографии нет основательной работы, посвященной влиянию исторических маршрутов средневековья на культурное развитие народов Северного Кавказа.

О Великом Шелковом пути через Северный Кавказ можно найти упоминания в различной литературе, но эти сведения имеют фрагментарный характер и больше касаются торговли с территориями средневековых государств, а также содержания товаров или состава купеческих общин.

Само понятие «Шелковый путь» появилось в XIX в. для обозначения грандиозного по масштабам древнего мира торгового пути, а точнее целой сети маршрутов, которые к рубежу старой и новой эры связали Китай с Ближним Востоком и «Западом», странами Восточного Средиземноморья (Римом, позже — Византией, Египтом, Сирией).